

ОТБЛЕСКИ
ЭТЕРНЫ

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

A highly detailed, symmetrical decorative border in a classic Art Nouveau or Belle Époque style. It features intricate scrollwork, acanthus leaves, and floral motifs, framing the central text.

ВЕРА КАМША

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

В оформлении обложки и блока использованы
иллюстрации *Оксаны Санжаровой*

Камша, Вера Викторовна.
К18 Красное на красном / Вера Камша. — Москва : Эксмо,
2025. — 704 с.

ISBN 978-5-04-164222-8 (Оф. 1)

ISBN 978-5-04-122146-1(Оф. 2)

Такой знакомый мир, такой понятный... Всесильный кардинал и страдающая королева. Юный провинциал на нелепой лошади и рожденный в изгнании прекрасный принц. Непобедимый мерзавец и убежденная в своем уродстве красавица. Вороватый злобный пьянчуга и мудрый наставник. Такой знакомый мир, такой понятный... Призрачные монахи, призрачная башня, призрачная корона, яд, золото и сталь. На кону — родовое кольцо, на кону — победа, на кону — жизнь и смерть. Одна пуля гасит три свечи. Один вызывает семерых. Летется вино, летется кровь, летется песня... Такой знакомый мир, такой понятный. Но нет ничего туманней очевидности и тише крика.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164222-8 (Оф. 1) © Камша В.В., 2022
ISBN 978-5-04-122146-1 (Оф. 2) © Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Автор благодарит за оказанную помощь

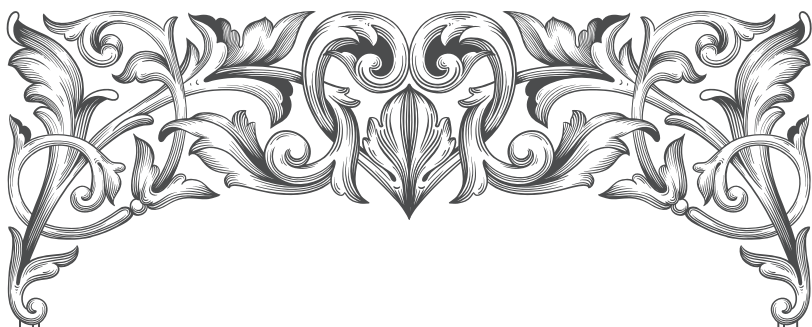
Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Анну Герасимову, Александра Гинзбурга, Ирину Гейнц, Александра Домогарова, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Дмитрия Кравченко, Александра Куцаева, Даниила Мелинца, Кирилла Назаренко, Юрия Нерсесова, Эвелину Сигалевич, Михаила Слюзберга, Артема Хачатурянца, Елену Цыганову, Игоря Шауба, Алину Шестыреву, а также Донну Анну (Lliothar) и Yaneck del Moscu.

Во время войн спартанцы носят
одежды красного цвета... Если
кто из спартанцев бывает ранен,
врагам этого незаметно, так как
сходство цветов позволяет скрыть
кровь.

ПЛУТАРХ

ТАЛИГОЙСКАЯ
БАЛЛАДА

Как просто умереть красиво,
Как нелегко красиво жить...

А. Городницкий

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«А время на циферблатах
уже истекало кровью...»¹

1

Алан Окделл с безнадежной ненавистью смотрел со стен Кабитэлы на человека, ставшего проклятьем Талигойи. Франциск Оллáр, бастард незначительного марагонского герцога, в полном боевом облачении сдерживал коня невдалеке от городских ворот, в то время как его герольды, изощряясь в остроумии и витиеватости, предлагали Эрнани Ракáну решить судьбу столицы и короны в рыцарском поединке.

Это было откровенным издевательством. Прозванный Бездомным Королем двадцатидевятилетний Франциск в поединке на копьях считался непобедимым, а Эрнани судьба наделила хилым телом. Даже в лучшие свои годы король не числился среди первых бойцов Талигойи, теперь же Эрнани было под пятьдесят, к тому же его суставы навсегда изувечила серая горячка. Олар не мог не знать, что Ракан передвигается и то с трудом, но благородство и великодушие для ублюдка были пустым звуком. Бездомный Король как никто другой

¹ Здесь и далее цитируется Федерико Гарсиа Лорка.

умел отыскивать у противника слабые места и бил по ним безо всякой жалости.

— Его величество Франциск Первый, — надрывались герольды, — вызывает брата своего и предшественника Эрнани и предлагает ему на выбор биться до смерти, или же до первой крови, или же турнирным оружием! Пусть мечи королей рассудят, кому властвовать над Родиной Вечности¹! Если же Эрнани из рода Раканов не желает подвергать опасности свою драгоценную жизнь, Франциск Оллар готов сразиться за честь Талигойи с любым достойным рыцарем.

Окделл с силой сжал кулаки и уставился в землю, пытаясь сдержать бессмысленный и бесполезный порыв. Талигойское рыцарство славилось отвагой, но каждому человеку отмерен свой предел. Марагонский выскочка родился с копьём в руке, его еще никто ни разу не выбил из седла. Алан украдкой глянул на Эрнани, представляя, что тот испытывает, и король ответил быстрым благодарным взглядом. Государь жил Талигойей и для Талигойи, не щадя ради нее не только себя, но и единственного наследника. Эрнани мог отправить королеву и юного Эркуюля в Агарис под покровительство его святейшества, но счел это недостойным.

Поступок короля стал примером для всех Людей Чести², герцог Окделл не был исключением — его супруга разделила судьбу мужа и отечества. Алану хотелось верить, что Женевьев не раскаивается в своем выборе, — ведь война с Франциском оказалась совсем не такой, как думалось вначале.

Когда Бездомный Король перешел границу, в Кабитэле смеялись. Какой-то ублюдок называет себя властителем Талигойи? Бред! Окделл помнил, как потешались над марагонским отродьем прошлой весной. Сейчас в столице было не до шуток. Удачливость и воинский дар самого Оллара вкупе с отвагой и наглостью приставших к нему проходимцев, возжелавших того, на что они не имели никаких прав, оказались для Людей Чести полной неожиданностью. В глубине души Алан

¹ Родина Вечности — официальный перевод слова «Талигойя».

² Дворянин, принадлежащий к одному из Великих Домов Талигойи.

Талигойская баллада

понимал, что городу не выстоять, тем паче простонародье начинало склоняться на сторону чужеземца, умело растравлявшего неприязнь крестьян и ремесленников к знати. Сегодняшний позор еще больше поднимет Франциска в глазах черни, а позора не избежать. Победить Бездомного Короля никому из рыцарей Эрнани было не под силу.

— Неужели в Кабитэле не найдется воина, не страшасящего преломить копьё со своим королем? Его величество заранее прощает будущему противнику невольное покушение на свою особу и ждет его как равного. Рыцарь вызывает рыцаря!

Кабитэла молчала. Будь это турнир, когда бьешься во имя славы и очей возлюбленной, Франциск, без сомнения, нашел бы соперника, но принять на свои плечи честь Талигойи и тут же уронить ее в пыль? Это страшней смерти!

— Его величество Франциск Талигойский в последний раз вызывает к мужеству и чести рыцарей брата своего Эрнани!

Герольд замолчал, и стало слышно, как на дворцовой крыше орут и возятся воробьи, а затем раздался звук одинокой трубы. Алан не сразу понял, что он означает, равно как и смысл последовавшего за ним шума и скрежета. Король тоже был застигнут врасплох.

— Окделл, — Эрнани изо всех сил делал вид, что выходки бастарда его не трогают, — пошлите узнать, что происходит.

Алан наклонил голову, но посылать никого не понадобилось. Ворота Полуденной башни распахнулись, пропуская всадника в синем и черном. Властитель Кэналло́а Рамиро́ Алва счел возможным принять вызов! Это было по меньшей мере удивительно: кэналлийца ни разу не видели ни на одном из турниров, он вообще не жаловал столицу и двор — возможно, потому, что среди Людей Чести Алва почитались худородными. Их принадлежность к Дому Ветров была, мягко говоря, спорной, а кровное родство с известными своим вероломством морйскими шадями¹ настораживало. Тем не менее властелин Кэналлоа откликнулся на призыв короны и явился в Кабитэлу во главе большого, отменно вооруженного отряда.

¹ Шад (*морисск.*) — вождь, правитель.

Вера Камша

Эрнани поставил кэналлийцев на защиту внешних укреплений, в очередной раз подтвердив свое умение разбираться в людях. Южане держались особняком, но воевать они умели. Окделл не мог не признать, что люди Алвы справлялись со своими обязанностями лучше большинства дружинников Людей Чести. Сам герцог, изысканный красавец со жгучими черными глазами, держался с рыцарями Эрнани не то чтобы заносчиво, просто становилось ясно: чужое мнение кэналлийца никоим образом не заботит.

В глубине души Алан допускал, что южанин понимает — роль и его окружение, хоть и вынуждены принимать помощь полукровки, своим его не считают, вот и платит талигойцам той же монетой. Какой дворянин станет искать дружбы тех, кто ставит его ниже себя? А род Алва возвысился лишь благодаря стечению обстоятельств. Когда Дом Ветров выкосила чума, Эрнани Восьмой был вынужден подтвердить права soberано Родриго, приходившегося нынешнему герцогу прапрадедом.

Великие дома Талигойи¹ традиционно роднились лишь друг с другом, но Алва, обосновавшиеся на крайнем юго-западе, веками мешали свою кровь с морисской². Пока Дом Ветров был многолюден, это никого не волновало, но судьба повалила казавшееся несокрушимым дерево. Теперь титул Повели-

¹ Согласно легенде, Золотая ана́ксия (при Эрнани Святом преобразованная в Золотую империю) была создана в результате слияния четырех царств. Потомки их правителей образовали **Великие Дома**, чьи главы носили титул повелителя соответствующей стихии (Скалы, Ветра, Волны, Молнии). После того как восторжествовал эсператизм, сакральный смысл титулов был забыт, но само понятие Великих Домов уцелело. Великие Дома возглавляют следующие фамилии: **Дом Скал** — герцоги Окделл (герб — золотой вепрь у подножия черной скалы на багряном поле); **Дом Ветров** — герцоги Алва (летающий против ветра черный ворон на синем поле); **Дом Волн** — герцоги Придд (поднятый волной коронованный золотой спрут на лиловом поле); **Дом Молний** — герцоги Эпинэ (два дерущихся жеребца, белый и черный, на алом поле, расколотом золотой молнией).

² Автор и его консультанты осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, кого в **нашем мире** называли морисками, кому штаны-ренгравы обязаны своим именем, когда началась эпоха великих географических открытий, чем знаменита мармалюка, etc. Но где Земля, а где Кэртиана.

Талигойская баллада

теля Ветров наверняка отдали бы кому-нибудь из подлинных Людей Чести, но в прежние времена законы блюлись свято, даже слишком. Алва стали талигойскими герцогами и возглавили Великий Дом. Повелители Скал, Волн и Молний с этим смирились, однако признать смуглых черноволосых выскочек ровней не могли. Алан Окделл, понимая, что подобные чувства не украшают, с Рамиро был подчеркнуто вежлив, но относиться к нему так же, как к Шарло Эпинэ или Михаэлю фок Вáрзов, не мог. Впрочем, глухой неприязни, грозящей перерасти в ненависть, Алан к кэналлийцу тоже не испытывал. Выбирая между Эктором Приддом и Алвой, Окделл предпочел бы полукровку.

— Алан, — мягкий голос Эрнани оторвал Повелителя Скал от раздумий, — вы видели кэналлийца в деле?

— Ваше величество, — рыцарь старался говорить как можно равнодушной, — кэналлийцы не принимают участия в турнирах, но во время приступов Алва сражается достойно.

Это было правдой. Корявая башня, выступающая далеко вперед и связанная с основной крепостью узкой перемычкой, была особенно уязвима. Франциск это понимал и трижды пытался ее захватить — дважды днем и один раз ночью. Алва отбивался без посторонней помощи, чего нельзя было сказать о защитниках Нового города, где оборону возглавлял маршал Придд. Только сражаться на укреплениях — одно, а принять вызов непобедимого Оллара — другое.

Алан с тоскливым предчувствием наблюдал за двумя всадниками, казавшимися с высоты стен игрушечными. Алва превосходил Франциска в росте, но заметно уступал бастарду в ширине плеч, да и доспех южанина был много легче, а белоснежная, защищенная только черно-синей попоной лошадь кэналлийца рядом с гигантским боевым конем бастарда казалась чуть ли не бесплотной. Герцог Окделл вздохнул — Рамиро проиграет, и хорошо, если сохранит жизнь.

Поступок южанина вызывал странную смесь досады и восхищения — тот делал глупость, но делал! Если б на вызов Бездомного Короля не откликнулся никто, талигойское рыцарство было бы навеки опозорено. Рамиро принял позор на себя, при-

Вера Камша

крыв от него других. Более того, его проигрыш — проигрыш чужака, он не запятнает Людей Чести. Понимает ли он это? Кэналлийцы отличались болтливостью и горячностью, но их господин был до странности молчалив и сдержан. То, что он дал волю южному темпераменту именно теперь, по меньшей мере вызывало недоумение. Если это, конечно, был темперамент.

— Безнадежно, — махнул рукой кансильёр¹ Аригб.

— Безнадежно, — услышал Алан собственный голос. — Но он дерется, а не ждет, когда это сделает кто-то другой.

— Его проигрыш — меньшее из зол, — согласился и Придд. — Бастард победит полукровку, только и всего.

Алан с трудом подавил желание посоветовать маршалу самому преломить копье. Не хватало, чтобы Люди Чести принялись оскорблять друг друга на глазах у короля. Странная вещь, мгновение назад Окделл думал так же, как и Придд, а теперь решил после боя подойти к кэналлийцу и при всех пожать ему руку. Если Алва, разумеется, останется жив.

— Чем бы ни закончился поединок, — твердо сказал Эрнани, — герцог Алва получит Полуночную Цепь².

— Это будет справедливо, ваше величество, — согласился кансильёр. — Немногие рискнут собственной честью, чтобы спасти честь королевства. Признаться, я думал, что вызов примет герцог Придд. Он выиграл три турнира подряд...

— Тому, кто привык выигрывать, проиграть особенно нелегко, — задумчиво произнес король, и это было правдой. Эктор Придд умрет, но не пожертвует славой первого меча Талигойи. — О, бойцы заняли свои места. — Голос Эрнани дрогнул. — *Да пребудет над Алвой Слава!*

«Да пребудет над Алвой Слава...» Как же переживает Эрнани, если позабыл о том, что обращение к Четверым и всему данному Ими почитается ересью и оскорблением Создателя.

— *Крылья Славы поднимут достойного*, — с вызовом подхватил Шарль Эпинэ.

¹ Одна из высших (наряду с геренцием, супремом и тессбрием) государственных должностей.

² Знак воинской доблести — серебряная цепь, украшенная сапфирами.

Талигойская баллада

— *Так и будет*¹, — наклонил голову король. Остальные промолчали, глядя на разговаривающих о чем-то всадников.

С Королевской башни открывался отличный вид на вытопанное осаждающими ржаное поле, ставшее ристалищем, но соперники были слишком далеко, чтобы слышать их разговор. К счастью, герольды Бездомного Короля не замедлили оповестить осажденных, что Франциск Оллар предложил своему противнику биться до тех пор, пока оба желают и могут продолжать бой. Бастард торжественно поклялся щадить жизнь раненого или иным образом покалеченного соперника, Рамиро Алва дал слово поступить так же. Услышав это, Эктор Придд презрительно усмехнулся, пробудив в Алане симпатию к кэналийцу. Повелитель Скал в последнее мгновение сдержал рвущуюся с языка отповедь, однако унять Шарло Эпинэ было не легче, чем разъяренных жеребцов с его герба.

— Мне показалось, маршал, или вы в самом деле улыбнулись. Чему?

— Тому, как наш полукровка бережет собственную шкуру.

— Закатные твари! Чтобы сохранить свою голову, у него был куда более надежный способ — последовать нашему примеру и остаться на стенах.

— Прекратите, господа, — хмуро бросил Эрнани, — они начинают.

2

Кэналийец нацелился в щит Оллара, но Алан заметил, что наконечник копья несколько раз слегка дернулся. Дрогнула рука? Поединок может оказаться смертельным для одного, если не для обоих. Копья боевые, это вам не турнир, когда рыцари целят тупым наконечником в шлем или щит, а судьи с умным видом оценивают их мастерство. Впрочем, на турнирах тоже калечат и убивают, здесь же любой удачный удар тем более может стать смертельным. Идет война, и главное — победить, не важно как, хотя бастард обещал щадить ранено-

¹ Ритуальная фраза, имеющая древние корни.